

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327

EDN: QHJYVY

Научная статья / Research article

Римское межевание: почему лимиты назывались «галльскими»?

М.Н. Кириллова

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

✉ marikirillowa@yandex.ru

Аннотация. Изучение землеустройства позволяет прояснить ряд вопросов в истории Древнего Рима, причем не только экономических, но и социокультурных. Реконструкция истории римского межевания — самой разработанной системы межевания древности — относится к числу актуальных научных задач, и она невозможна без выяснения, чем различались отдельные землеустроительные элементы. Многие из них упоминаются в «Книгах колоний», источнике, который все еще нуждается в новом критическом издании и до начала XXI в. привлекал недостаточно внимания исследователей. Цель исследования — выяснить, что представляли собой так называемые «галльские» лимиты (*limites Gallici*), и объяснить происхождение этого названия. Исследование опирается на современные представления об особенностях и функционировании землемерной нарративной традиции. Проанализированы сведения о «галльских» лимитах, а также о связанных с ними «морских» и «горных». В современной историографии распространилась точка зрения, согласно которой «галльские», «морские» и «горные» лимиты представляли собой три разных типа лимитов, применявшихся в определенных местностях. Эта гипотеза, однако, содержит много внутренних противоречий и не находит однозначной поддержки в источниках. Сделан вывод, согласно которому в исследованных случаях названия лимитов можно объяснить, с одной стороны, практикой ориентации лимитов при их проведении, а с другой — их функцией общественных дорог. Эта трактовка согласуется со сведениями «Книг колоний», согласно которым «галльские» лимиты находились вблизи, но не на самой территории *ager Gallicus*. Вероятнее всего, они вписывались в локальные дорожные системы, ведущие в его сторону. Распространенность межеваний «галльскими», «морскими» и «горными» лимитами в эпоху Поздней Республики свидетельствует о том, что ужесточение требований к межеваниям, в т.ч. к ориентации лимитов, было постепенным.

Ключевые слова: лимитация, Книги колоний, *ager Gallicus*, общественные дороги, землеустройство в Древнем Риме

© Кириллова М.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н.э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17.02.2026; принята к публикации 20.04.2026.

Для цитирования: Кириллова М.Н. Римское межевание: почему лимиты назывались «галльскими»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 313–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327> EDN: QHJYVY

Roman land surveying: why were the *limites* called “Gallic”?

Maria N. Kirillova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ marikirillova@yandex.ru

Abstract. The study of land use can clarify of a number of not only economic but also socio-cultural problems of the history of Ancient Rome. The reconstruction of the history of Roman land surveying, which was the most sophisticated land surveying system of antiquity, is among the pressing scholarly tasks, and it is impossible without clarifying the differences among its constituent elements. Many of these are mentioned in the *Libri Coloniarum* (Books of Colonies), a source that still requires a new critical edition and has, until the beginning of the 21st century, received insufficient scholarly attention. The purpose of this study is to determine the nature of the so-called *limites Gallici* and to explain the origin of this designation. The study is based on current understanding of the features and functioning of the gromatic (land surveying) textual tradition. The analysis examines the available evidence concerning the “Gallic” *limites*, as well as the associated “maritime” and “mountain” *limites*. According to the popular interpretation, the “Gallic”, “marine”, and “mountain” *limites* represented three different types of *limites* widespread in specific localities. However, this hypothesis finds no unambiguous support in the sources. It has been concluded that, in the cases examined, the names of these *limites* were determined by their function as public roads, and the “Gallic” *limites* were oriented toward the *ager Gallicus* (“Gallic Field”). This interpretation is consistent with the evidence of the *Libri Coloniarum*, according to which the “Gallic” *limites* were located near, but not on the very territory of the *ager Gallicus*. Thus, it seems that they could have been integrated into local road systems leading in its direction. The prevalence of land surveys using “Gallic”, “marine”, and “mountain” *limites* in the Late Republican period indicates that the tightening of requirements for land surveys, including the orientation of *limites*, was gradual.

Keywords: limitation, *Libri Coloniarum*, *ager Gallicus*, public roads, land management in Ancient Rome

Funding. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF) Grant No. 24-78-10152 “Ethnocultural Interaction in the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC: Politics, Religion, and Intellectual Life (Italy, Egypt, Asia Minor)”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 17.02.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Kirillova MN. Roman land surveying: why were the limites called “Gallic”? *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):313–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327> EDN: QHJYVY

Введение

Римское землеустройство — одно из важнейших культурных достижений древности. Оно формировалось на протяжении столетий, в т.ч. под влиянием традиций разных народов. На то, что некоторые элементы организации пространства были усвоены извне, в т.ч. по мере завоеваний, указывают как археология, так и нарративные источники. Так, в землемерных сочинениях упоминаются греки, этруски и даже оски¹, встречаются грекоязычная терминология и указания на меры площади, отличные от римских, описываются региональные особенности установки межевых знаков. Традиции регионов и местные практики (*consuetudo regionis*) были обязательны к исполнению.

В нашем исследовании мы обратимся к так называемым «галльским» лимитам. Лимитация была самой распространенной в эпоху Империи системой межевания. Она предполагала деление территории поселения дорогами — лимитами, пересекавшимися под прямым углом. Две основные дороги — главный декуман (*decumanus maximus*) и главный кард (*kardo maximus*) — проходили с запада на восток и с юга на север соответственно, параллельно им проводились остальные лимиты. Появление этой системы сами римские землемеры связывали с *disciplina Etrusca* — этруским религиозным учением, которое предусматривало деление сакрального пространства (*templum*) прямыми, ориентированными по сторонам света [1. С. 220–221; 2. С. 94–99]. Описанная в трактатах система лимитации формировалась на протяжении длительного времени и потенциально могла иметь региональные вариации. Мы постараемся выяснить, почему некоторые лимиты назывались «галльскими», в чем состояло их отличие, а также как их существование характеризует историю римского землеустройства. Обращение к этому сюжету также способно прояснить особенности взаимодействия разных народов древней Италии.

Особенности землемерных текстов как источника: проблемы издания и интерпретации

Перед тем, как приступить к анализу имеющихся сведений, следует оговорить особенности землемерных текстов как источника, а также эвристические пределы нашего исследования. Исследователь, занимающийся историей

¹ Последние — только во фрагменте Псевдо-Фронтин (Ps.-Front. De lim. 5), речь о котором пойдет далее.

римского землеустройства, оказывается в замкнутом круге, где сложность для понимания землемерных текстов обусловила недостаточное качество их изданий, и наоборот.

Первое критическое издание землемерных сочинений осуществил К. Лахманн [3]: как показали недавние исследования, многие его издательские решения, в частности, выделение некоей второй книги землемера Юлия Фронтинуса, были вызваны некритическим восприятием решений П. Схрейвера (Скриверия), издавшего землемерные тексты в 1607 г. [4. S 127–128]. Часть реконструкций Лахманна уже в начале XX в. была пересмотрена К. Тулиным [5], который, однако, не успел при жизни предпринять ревизии всех землемерных текстов. Именно эти два издания легли в основу многих последующих переизданий и переводов [6–9]. Это относится и к Б. Кемпбеллу [10], по изданию которого мы цитируем большую часть текстов. Поскольку благодаря масштабному исследованию рукописной традиции землемеров за авторством Л. Торнеатто [11] представления о ней значительно уточнились, чтения отдельных фрагментов были пересмотрены. Внесенные исправления, тем не менее, носили ограниченный характер.

Принципиально другой подход продемонстрировал Й.-О. Линдерманн. Исследуя сходства и различия между сочинением Фронтинуса «О лимитах» и сочинением Гигина Громатика «Об установлении лимитов» [4. S. 122–127; 12. S. 89–93; 13], а также историю идентификации землемера Юлия Фронтинуса с политическим и военным деятелем Секстом Юлием Фронтинусом [14], Линдерманн вышел на проблему средневековых слоев в землемерных сочинениях. Ввиду интереса к информации, содержащейся у землемеров, их тексты неоднократно переписывались в Средние века, а также дополнялись комментариями и сведениями из других источников. Линдерманн издал все сочинения Юлия Фронтинуса и трактат Гигина «Об установлении лимитов». Тексты были значительно пересмотрены: в результате в них отсутствуют грамматические и лексические неясности, характерные для издания Лахманна. Однако, как будет показано далее, некоторые любопытные для историка фрагменты были сочтены более поздними глоссами. Линдерманн доказал, что впервые сочинение «О лимитах» было приписано Фронтину Скриверием, в то время как оно представляет собой компиляцию, восходящую к сочинению Гигина и трактату IX в. *Ars gromatica* Gisemundi, а также, вероятно, и к иным, в т.ч. грекоязычным, источникам [4. S. 127–139]. «Громатиком» Гигин оказался назван в силу интерпретации одного из рукописных заголовков, который сообщал о «громатической книге» Гигина об установлении лимитов [12. S. 141].

При том, что многие решения Линдерманна порывают с существовавшими подходами, они опираются на системный анализ всей рукописной традиции и отнюдь не выглядят легковесными. Приходится констатировать, что тексты большинства землемерных сочинений не пересматривались с середины XIX в., тогда как новое издание потенциально

может изменить восприятие отдельных сюжетов. В частности, это относится и к «Книгам колоний», которые интересуют нас в первую очередь. Именно они содержат как наиболее важные упоминания «галльских» лимитов, так и многочисленные указания на особенности межевания конкретных местностей. Лахманн выделил две «Книги колоний». На основании того, что во второй «Книге» упоминается Самний, административно отделенный от Кампании во второй половине IV в., вторую «Книгу» принято датировать более поздним временем по сравнению с первой [15. Р. 296–297]. В результате содержание второй «Книги колоний» часто не принимается исследователями в расчет². Изучение того, как в «Книгах колоний» и других землемерных сочинениях освещены квесторские поля, заставляет нас сомневаться в таком подходе [18]. Мы склонны считать информацию обеих частей «Книг» одинаково обязательной для использования. Применительно к другим землемерным текстам мы стремимся учесть современное состояние их исследований.

«Галльские» лимиты и связанные с ними понятия в землемерных источниках

«Галльские» лимиты упоминаются не так часто. В первую очередь, мы находим их в «Книгах колоний» — списках, содержавших перечни общин на территории Италии и описания их межеваний. Хотя составление обеих «Книг» датируется IV в. н.э., в их основу, предположительно, легли более ранние земельные описи. Они могли восходить к землемеру Бальбу, который проводил ревизию кадастровой документации в эпоху Августа [19. С. 158]; по крайней мере, об этом сообщают сами «Книги» [10. С. 188]. Кроме того, один из списков общин озаглавлен «Провинция Пицен из книги Бальба» [10. С. 176]. Отметим, что описи, входящие в «Книги», явно составлялись с разными целями. Сложно сказать, было это особенностью исходного материала, или же переписчики сознательно выбирали определенную информацию. Так, во фрагменте, озаглавленном «Общины Кампании из Книги регионов», сведения об особенностях лимитов практически не приводятся, зато для каждого поселения указано, имеется вокруг него стена или нет. Подобные оговорки о наличии стен отсутствуют в других частях «Книг колоний». Составитель описания Бруттия, в свою очередь, всегда уточняет, в каком направлении проведены лимиты.

² См., например, таблицу с упоминаниями различных лимитов в исследовании Ж. Шукке, где учитываются только данные первой «Книги». То, что вторая «Книга» содержит противоречащие им данные, никак не объяснено [16. С. 122]. Показательна также статья М. Де Нардиса [17. Р. 290–294], который отдает однозначный приоритет другим источникам, хотя по сравнению с ними текст второй «Книги» и наиболее полный, и наиболее непротиворечивый.

Таким образом, информация «Книг» как правило стандартизирована, однако только в рамках отдельных частей.

«Галльские» лимиты упоминаются преимущественно во второй «Книге колоний» для территорий трех общин: Адрии/Атрии (*ager Adrianus*), Фалериона (*ager Falerionensis*) и Камерина (*Kamerinum/Camerinum*). Это общины из региона Пицена, расположенные в Центральной Италии ближе к восточному побережью Апеннинского полуострова. В первой «Книге колоний», в уже упомянутом разделе «Описание Пицена из книги Бальба», сведения о межевании полей Адрии и Фалериона, а также Нурсии и Пинны даны вместе: хотя в этом описании для них указаны «галльские» лимиты, при повторном рассмотрении Пинны и Нурсии во второй «Книге» о них нет упоминаний³.

Кроме «Книг колоний», «галльские» лимиты встречаются еще в нескольких текстах. Наименее информативен из них список, озаглавленный «Начинаются имена лимитов» (*Incipit nomina limitum*) [10. Р. 244–242]: в нем приводится только перечень разных названий лимитов, выписанных, вероятно, из другого источника. Более содержательно упоминание в «*Casae Litterarum*» — документе, название которого с учетом особенностей позднего латинского можно перевести как «Поместья букв» [20. Р. 30–43]. В нем описываются разные имения, обозначенные буквами, для территории одного из них (М) упоминаются «галльские» лимиты. Наконец, «галльские» лимиты есть еще в двух текстах: один приписан авторам Фаусту и Валерию [10. Р. 228–230], а другой сохранил лишь заголовок «Начинается описание лимитов и терминов» (*Incipit expositio limitum vel terminorum*) [10. С. 260]. В обоих говорится о межевании «галльскими» лимитами территории «Рима Вавилона». Это, скорее всего, свидетельствует о влиянии христианской традиции — в частности, «Откровения Иоанна Богослова», где под «Вавилоном» подразумеваются Римская империя и Рим (Откровение 17:5–6, 9; 18:24).

Обратимся к источникам. Нигде не уточняется, в чем была специфика «галльских» лимитов. В то же время, в вышеперечисленных текстах они никогда не упоминаются сами по себе, а только в связке с «морскими» лимитами. «Морские» же лимиты упоминаются в «Книгах колоний» неоднократно [10. Р. 164, 168, 172, 174, 176, 190, 194, 196, 198, 200]: трижды сами по себе, трижды вместе с «галльскими», но чаще всего (около 10 раз) в паре с «горными». Это обстоятельство комментируется в сочинениях Гигина, Сикула Флакка и цитирующего Гигина Псевдо-Фронтин:

³ Это, а также другие наблюдения [18. С. 931–934], заставляют нас сомневаться в датировке второй «Книги» более поздним временем: представленное в первой «Книге» описание «Провинция Пицен из книги Бальба» выглядит сокращенным изложением сведений о Пицене, представленных во второй «Книге», поэтому «галльские» лимиты и оказались приписаны не только Адрии и Фалериону, но также Нурсии и Пинне.

Позже у некоторых (лимиты) стали называться по природе места, и которые обращены на море, называются морскими, которые на горы, горными (*Postea apud quosdam a loci natura nomen acceperunt, et qui ad mare spectant maritimi appellantur, qui ad montem, montani* (Hyg. *De lim. const.* 3)).

Ведь другие называли морскими и горными в зависимости от положения региона и природы (*Alii vero ob regionum positionem et naturam appellaverunt maritimos et montanos* (SF III.4)) [10. С. 120].

Местные жители дают им различные и непохожие друг на друга названия, связанные с небесной сферой или природой местности (в других местах), как, например, в Тускии, Умбрии, в окрестностях Фанум Фортуны: те, что обращены к морю, называют приморскими, те, что обращены к горам, — горными (*Hi ab incolis variis ac dissimilibus vocabulis a caeli regione aut a loci natura sunt cognominati {in alio loco}, sicut in Tuscia, Umbria, circa Fanum Fortunae: qui ad mare spectant, maritimos appellant, qui ad montes montanos* (Ps.-Front. *De lim.* 4)).

Таким образом, авторы единодушны во мнении, что «морскими» и «горными» лимиты называют в отдельных местностях. Обратим внимание на места, в которых, по мнению Псевдо-Фронтин, это наименование распространено. Если мы обратимся к «Книгам колоний», то в разделе «Провинция Туския» действительно упоминаются общины, межевание которых было произведено «морскими» лимитами. Это Арриций [10. С. 168], территория от Вей до Аврелии [10. С. 172], от Рима до Порты [10. С. 174], под которым Б. Кемпбелл предлагает видеть порт, построенный Клавдием [10. С. 410]. Во второй «Книге колоний» упоминается Фанум Фортуны — в нем межевание предполагало «морские» и «горные» лимиты. Мы можем предположить, что в данном пассаже составитель текста опирался на сведения «Книг».

Отметим, что названия «морские» и «горные» встречаются при описании очень разных областей. Это не только колонии на территории древних этрусских городов, но и Буксент (Пиксунт) на юге Лукании, а также города Пицена и Умбрии, что указывает скорее на распространенную землемерную практику, чем на особенности конкретной местности. Составитель сводного описания полей Адрии, Нурсии, Фалериона и Пинны не видел принципиальной разницы между «морскими» и «настоящими» лимитами декуманом и кардо (*limitibus maritimis et Gallicis quos dicimus decimanus et kardines*). В описании Тускии между ними ощутима разница: различаются лимиты «обычные и морские» (*limitibus nomalibus maritimisque*) [10. С. 174]. Описывая колонию в Арриции, составитель «Книги» выделяет этапы проведения лимитации, где «морские» и «горные» предшествовали декуманам и кардам:

(Территория) колонии Арриций по закону Августа подсчитана, гракханскими лимитами, к которым относятся прямые морские и горные, после чего кардами и д[екуманами] была ассигнована, и число центурий осталось (тем же) (*Colonia Arretium lege Augusta censita, limitibus Graccanis, qui recturas maritimas et montanas spectabant, postea per cardines et d. est assignata, et numerus centuriarum manet*) [10. С. 168].

Таким образом, для Арриция фиксируется два этапа ассигнации: «морскими» и «горными» лимитами, на смену которым затем пришли декуманы и карды. На то, что «морские» и «горные» лимиты использовались при триумвирах, указывает информация о поле Сальвии Поллентинорум [10. С. 176], а также о поле Сентия и Толентина [10. С. 198]. Таким образом, по меньшей мере можно констатировать применение «морских», «галльских» и «горных» лимитов для земельных раздач эпохи Гракхов и триумвиров.

Гипотеза об особом типе лимитов: за и против

Проблему «морских», «горных» и «галльских» лимитов исследовал Ж.-И. Гийомен [21. Р. 137–156]. Он обратил внимание на то, что в сочинениях Сикула Флакка, Гигина (Громатика) и Фронтин (или Псевдо-Фронтин), если мы принимаем интерпретацию Й.-О. Линдерманна) «морские» и «горные» лимиты воспринимаются как синонимы декумана и кардо [21. С. 137]: мы ожидаем, что при их пересечении и проведении параллельных лимитов будет образована привычная сетка межевания. Однако исследователя такая трактовка не удовлетворила. Он обратил внимание на слова Сикула Флакка, согласно которым лимиты получают название от особенностей местности, в которой они расположены. Она может быть «морской» или «горной», что определяет название лимитов; для доказательства своей точки зрения он обратился к другим латинским авторам (Титу Ливию, Плинию Старшему, Квинтилиану), которые называли ту или иную местность «морской» или «горной» [21. Р. 142–143]. Гийомен также ссылается на фрагменты «Книг», где лимиты названы только «морскими». По мнению исследователя, то, что в «Книгах колоний» «морские» и «горные» лимиты часто фигурируют вместе, не содержит противоречия, поскольку в одной и той же местности могут быть и горы, и море. Что касается «галльских» лимитов, то они называются так потому, что находятся на территории, «более или менее связанной с *ager Gallicus*» («dans un territoire en rapport plus ou moins net avec l'*ager Gallicus*») [21. С. 154] — области к северу от Пицена на побережье Адриатического моря. Из заключительных объяснений Гийомена следует, что модель, при которой лимиты характеризуются как «морские», «горные» или «галльские», более поздняя, чем «декуман» и «кардо», и она связана с христианским восприятием землемерной традиции, в рамках которого была предпринята попытка отказаться от категорий организации пространства, связанных с язычеством, т.е. с этрусской дисциплиной [21. Р. 155–156].

Гипотеза Гийомена нашла поддержку в историографии. Она была учтена в издании позднеантичных землемерных текстов за авторством Ж. Пейраса, который дополнил аргументацию Гийомена ссылкой на изображение из *codex Gudianis* — копию с копии Ватиканской рукописи землемеров (первая половина IX в.), которая датируется концом IX в. На иллюстрации, как признает

сам Пейрас, нет «морского» лимита: там изображена прерывистая ступенчатая конструкция, которая подписана «*Gallicus progama iunsat et saltum dat*», что сам Пейрас предлагает интерпретировать как «Галльский лимит, выглядящий как гамма, связывает и делает скачок» [6. Р. 4–5]; с его точки зрения, эта ступенчатая конструкция и изображает «галльский» лимит.

В исследовании, посвященном «Книгам колоний», Ж. Шуке развил эти построения. С его точки зрения, «морские», «горные» и «галльские» представляли собой разные типы лимитов: это объясняет, почему «морские» лимиты приписаны общинам, находящимся на значительном расстоянии от моря [16. С. 119]. Он принимает в качестве аргумента и предложенное Пейрасом изображение из *codex Gudianus*, предположив, что «галльский» лимит был прерывистым и подходил для межеваний в горных областях. Шуке, в свою очередь, предлагает вставить в текст отдельных фрагментов «Книг» выражение «*in tribus limitibus*» вместо принятого на их месте «*intercivis limitibus*» [16. Р. 120–121]. По его мнению, это выражение указывает на сосуществование на одной территории трех разных типов лимитов, которые затем были вытеснены декуманами и кардами в первых веках новой эры [16. С. 123]. Таким образом, «галльские» лимиты оказываются одной из региональных традиций межевания.

На наш взгляд, с одной стороны, Гийомен справедливо обратил внимание на то, что «морские» лимиты не обязательно должны пересекаться с «горными», и что они называются так в определенных областях. Тем не менее, идея, что за этими названиями скрывались разные типы лимитов, кажется нам уязвимой и не находящей твердых подтверждений в источниках. Землемеры говорят лишь о направлении лимитов в определенных местностях (морские смотрят на море, горные на горы), в зависимости от которого они называются «морскими» или «горными». В пользу гипотезы о разных типах лимитов было приведено два основных аргумента: изображение из *codex Gudianus* и реконструкция текста «Книг колоний» Ж. Шуке. Что касается второго аргумента, то, на наш взгляд, подобные вставки в текст должны все-таки быть основаны на комплексном анализе рукописной традиции, в нынешнем виде они выглядят несколько произвольными. Если же говорить об иллюстрации из *codex Gudianus*, то нельзя не заметить, что 1) это единичное изображение, аналогов которому нет в более ранних рукописях и другой традиции иллюстраций, восходящей к *codex Arcerianus*; 2) интерпретация подписи к нему построена на ассоциациях; 3) она совершенно не обязательно должна изображать какую-то древнеримскую реалию, но может быть просто украшением, попыткой подражать тексту. Даже если мы примем гипотезу Ж. Пейраса, согласно которой на иллюстрации изображен именно «галльский» лимит, то это вызывает дополнительные вопросы. Поскольку лимиты были прямыми, которые пересекались под прямым углом, они, строго говоря, не могли быть ступенчатыми. Для прерывавшихся лимитов в «Книгах

колоний» есть отдельный термин (*limites intercisivi*) [22. S. 30–31; 23. С. 29], неправильная геометрическая форма участков также оговаривалась. Ни о каких подобных свойствах «галльских» лимитов нигде не говорится.

В конце концов, мы не случайно процитировали слова Гийомена о том, что общины с «галльскими» лимитами *более-менее связаны* с *ager Gallicus*, потому что на самом деле все они находятся *далеко за его пределами*. Ж. Шуке, к слову, не уловил этой оговорки и решил, что «галльские» лимиты были расположены в пределах Галльского поля [16. С. 119], отсюда и следуют его построения об особом локальном способе межевания. *Ager Gallicus* был территорией, принадлежавшей галльскому племени сенонов. По сведениям Ливия, сеноны пришли в Италию последними из галлов. Они заняли территорию от реки Утент на севере до реки Эзиса на юге (Liv. V.35.3). Идентификация первого гидронима вызывает сложности⁴, в то время как второй исследователи однозначно связывают с современной рекой Эзино. О границах *ager Gallicus* также сообщает Плиний. Из его описания следует, что «галльские земли по сю сторону от Аримина» были включены в *Regio VI* Умбрия. Таким образом, он был самым северным городом, а самым южным — Анкона: «От Анконы начинается Галльский берег, прозванный „Галлией, одетой в тоги“»⁵ (*Gallia Togata*) (Plin. NH. III.112). Стоит оговорить, что непосредственно к *ager Gallicus* Аримин (совр. Римини) не относился. Он был основан в качестве латинской колонии в 268 г. до н.э.; вероятно, его основание следует считать результатом битвы при Сентине. Находясь между территорией бойев и сенонов, он, по всей видимости, выступил плацдармом для завоевания самого *ager Gallicus* [25. S. 26–28]. Что касается Анконы, то она также не входила в изначальную территорию сенонов: это древнее поселение пиценов испытало сначала сильное греческое, затем римское влияние, однако присутствие кельтов на ее территории было минимальным [25. S. 106–107].

Таким образом, все описанные в «Книгах колоний» общины находятся за пределами *ager Gallicus*. Дальше всех находится Атрия — на расстоянии более 140 км: для наглядности, это больше, чем от Рима до Вольсиний, важнейшего этрусского религиозного центра. В целом, ни о каких особых «галльских» межеваниях нам неизвестно. О стабильных галльских поселениях на месте тех общин, где были «галльские» лимиты, данные отсутствуют. Камерин был центром умбрийского племени камертов, которые заключили с римлянами союз еще в конце IV в. до н.э. (Liv. IX.36.7–8) Фалерион и Атрия — пиценские поселения. В Атрию ок. 290 г. до н.э. была выведена латинская колония, а Фалерион не упоминается в нарративных источниках вплоть до Плиния; найденные памятники материальной культуры и эпиграфики, однако, относятся в основном к первым векам н.э. [26. Р. 179, 182].

⁴ Скорее всего, произошла контаминация названий двух разных рек [24. S. 683].

⁵ Пер. Б.А. Старостина.

Гипотеза Шуке, впрочем, учитывает историческое развитие римского межевания и согласуется со сведениями «Книг колоний», согласно которым «морскими» и «горными» лимитами межевали триумвиры, таким образом, эта практика предшествовала межеваниям Августа. Тем не менее, гипотезе о том, что «галльские», «морские» и «горные» представляли собой три разных типа лимитов, на наш взгляд, не хватает аргументации на основании собственно землемерных текстов.

Лимит как дорога, имеющая направление

С нашей точки зрения, для ответа на вопрос о «галльских» лимитах необходимо вернуться к сведениям трактатов о «морских» и «горных». Морские лимиты обращены (*spectare*) в сторону моря, а горные — в сторону гор. И авторы трактатов, и составители «Книг колоний» противопоставляют эту практику декуманам и кардам, которые ориентировались по сторонам света: происхождение этого принципа землемеры связывали с этрусской дисциплиной. Вероятно, в основе этой практики и правда лежали религиозные представления, и весьма вероятно, что действительно этрусские, поскольку римская лимитация находит параллели в этрусских межеваниях [2. С. 101–106]. Если верить археологическим исследованиям, ориентация лимитов по сторонам света, скорее всего, в самом деле выдерживалась [27]. То, что «морской» или «горный», — это прежде всего направление, следует и из описания Бруттия из «Книг колоний», на которое мы уже обращали внимание. Для межеваний всех упомянутых общин оговорены направления основных лимитов. Во всех случаях, кроме Буксента, у которого они «морские», ориентация лимитов сбита: кардо направлен на восток, а декуман на юг, тогда как должно было быть наоборот. Таким образом, в случае с Буксентом мы действительно можем предполагать самый простой способ определения направления лимитов [28. С. 96].

В то же время стоит обратить внимание на то, что лимит был не просто межой, но общественной дорогой. Согласно одной из этимологий, приведенной Сикулом Флакком, «лимиты же получили свое название от порогов, поскольку пороги обеспечивают входы и выходы в места, а лимиты — входы и выходы в поля» (*Limites autem ab liminibus vocabula acceperunt, quoniam limina introitus exitusque locis praestant, limites agris similiter introitus exitusque*) [10. С. 118]. Это, безусловно, «народная» этимология, однако она указывает на важность права прохода для характеристики лимитов. Статус общественной дороги обеспечивался законодательно. Так, соответствующая норма сохранилась в главе СIII закона колонии Юлии Генетивы (CIL I², 594 = CIL II, 5439 = ILS 6087) [29. Р. 393–454], также в некоем законе Мамилия Росция Педуция Алиена Фабия, фрагменты которого сохранились в землемерных

сочинениях [10. Р. 216–218]⁶. Размеры лимитов регулировались специальными предписаниями римских политиков, о чем сообщается в трактате «Об установлении лимитов» (Hug. De lim. const. 4). Таким образом, обязательное использование лимита в качестве общественной дороги объясняет использование глагола *spectare*: лимиты смотрят, т.е. направляются в определенную сторону. Итак, если «морские» лимиты вели к морю, а «горные» — в горы, куда могли вести «галльские» лимиты?

С точки зрения Б. Кемпбелла, они указывали на Галлию. Комментируя текст Фауста и Валерия, согласно которому «вокруг города Вавилона Рима были морские и галльские лимиты», он предполагает, что «морские» лимиты были направлены по линии восток — запад, как декуманы, а к северу от Рима находилась Цизальпинская Галлия, поэтому эти лимиты и могли быть названы «галльскими» [10. С. 440]. Цизальпинская Галлия в самом деле находилась к северу от Рима, хотя и на изрядном отдалении. Тем не менее, общее направление рассуждений кажется нам верным. «Галльские» лимиты, в отличие от «морских» и «горных», в «Книгах колоний» упоминаются только в одной области — на севере Пицена, к югу или юго-западу от местности, которая получила название *ager Gallicus*. Таким образом, можно предположить, что они вели не к Галлии, а в сторону Галльского поля.

Это объяснение снимает некоторые противоречия, которые можно усмотреть в «Книгах колоний». Например, межевание Фанум Фортуны, Фалериона и Камерина авторами книг колоний называется внешне схожим [10. С. 196], однако в случае Фанум Фортуны говорится о «морских» и «горных» лимитах, а в случае двух других общин — о «морских» и «галльских». Если бы это были разные типы лимитов, как предлагают французские исследователи, такое сходство бы не постулировалось. Однако, Фанум Фортуны находится на территории *ager Gallicus*, поэтому там и не могло быть «галльских» лимитов, в отличие от Камерина и Фалериона, но внешне все эти межевания действительно могли быть похожи.

Сложно сказать, можно ли считать «Галльское поле» достаточно знаковым для римлян направлением, чтобы сравнивать его со сторонами света, однако, приходится учитывать особенности восприятия галлов на территории древней Италии, а именно — в качестве пришлого и агрессивного населения. Х. Беллен посвятил отдельное исследование «галльскому страху», *metus Gallicus*, и указывает на живучесть этого страха в римском менталитете в эпоху Республики [31]. В случае *ager Gallicus* ассоциативный ряд можно было бы дополнить тем, что именно проживавшие там сеноны, с точки зрения Ливия, некогда разграбили и сожгли Рим (Liv. V.35.3). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что *ager Gallicus* был впервые разделен

⁶С точки зрения М. Кроуфорда, на самом деле этот текст представляет собой выдержку из *lex Iulia agraria* [29. Р. 763–767; 30].

римлянами посредством ассигнаций *viritim*, без создания колоний. По мнению С. Розелаар, римляне длительное время не посягали на Галльское поле: закон о его разделе мог встретить противодействие сената в т.ч. из опасений перед возможным конфликтом с сенонами [32. Р. 56–57]. О том, что раздел *ager Galicus* был одной из причин галльского восстания в 225 г. до н.э., сообщает Полибий (Polyb. II.21.7–9). Галльские области активно романизировались после окончательного завоевания, однако данные эпиграфики и материальной культуры указывают на культурное сопротивление и формирование новой кельтской идентичности [33. Р. 744–748]. Таким образом, мы можем реконструировать устойчивость галльского населения к внешним влияниям и, как следствие, восприятие их территории как чего-то инородного.

С нашей точки зрения, «галльские» лимиты, так же как «морские» и «горные», могли вписываться в региональные транспортные маршруты. Это снимало бы противоречие, на которое указал Ж. Шуке: хотя не все области с «морскими» лимитами расположены близко к морю, они, тем не менее, могли быть связаны с дорогами, которые к нему ведут. О связи лимитаций и дорог свидетельствуют и землемерные сочинения, где говорится, что за направление главного декумана могла приниматься консулярская дорога:

В некоторых колониях главный декуман таким образом провели, чтобы содержал проходящую через колонию консулярскую дорогу, как в Кампании в колонии Аксурнатов главный декуман соблюден по Аппиевой дороге (*Quibusdam coloniis decumanum maximum ita constituerunt, ut viam consularem transeuntem per coloniam contineret, sicut in Campania coloniae Axurnati decimanus maximus per viam Appiam observatur*) (Hyg. De lim. const. 16).

Итак, «галльские» лимиты могли быть связаны с дорогами, ведущими на *ager Gallicus*. Как и в случае с «морскими» лимитами, это построение объясняет распространенность «галльских» лимитов в регионе, сравнительно близком к *ager Gallicus*, для которых дорога в его сторону могла иметь практический смысл.

Заключение

«Морские», «горные» и «галльские» едва ли представляли собой отдельные типы лимитов. Их применение иллюстрирует особенности ориентирования межеваний в эпоху Республики. Наряду с ориентацией по сторонам света применялась ориентация по дорожным сетям, можно предположить, что в т.ч. региональным. В результате одни лимиты направлялись в сторону гор, другие — к морю, третьи — к Галльскому полю, от которого они и получили свое название. Существование Галльского поля как ориентира указывает на то, что в определенную эпоху в римском менталитете оно воспринималось как нечто самостоятельное по отношению к остальной территории

Италии. Можно предположить, что направление лимитов было более жестко регламентировано в конце Республики — начале Империи, при императоре Августе, с именем которого традиция связывает многие новации в области римского земельного кадастра.

Список литературы / References

1. Gvozdeva IA. Principles of spatial organization and agrarian structure of Ancient Rome. *RUDN Journal of World History*. 2018;10(3):219–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228> EDN: YYVGHB
Гвоздева И.А. Принципы организации пространства и аграрная структура Древнего Рима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 219–228. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228> EDN: YYVGHB
2. Kirillova MN. *Disciplina Etrusca and the development of the Roman orthogonal land surveying*. *Journal of Ancient History*. 2023;83(1):94–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S103032910020459-7> EDN: CRGCIL
Кириллова М.Н. *Disciplina Etrusca и формирование римского ортогонального межевания* // Вестник древней истории. 2023. Т. 83. № 1. С. 94–113. <https://doi.org/10.31857/S103032910020459-7> EDN: CRGCIL
3. Lachmann K, Rudorff A. *Die Schriften der römischen Feldmesser*. Bd. 1. *Gromatici veteres*. Berlin: Reimer; 1848.
4. Lindermann JO. *Iuli Frontini opera gromatica: Historisch-kritische Edition*. Freiburg im Breisgau: wbg Academic; 2025.
5. Thulin C. *Corpus agrimensorum romanorum*. Lipsiae: B.G. Teubner; 1913.
6. Peyras J. *Documents d'arpentage de l'Antiquité tardive. Textes établis, traduits et annotés*. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté; 2013. (Collection de l'ISTA, 1257).
7. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. I. *Hygin le Gromaticus*. Frontin. Paris: Les Belles Lettres; 2005.
8. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. II. *Hygin. Siculus Flaccus*. Paris: Les Belles Lettres; 2010.
9. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. III. *Commentaire anonyme sur Frontin*. Paris: Les Belles Lettres; 2017.
10. Campbell B. *The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary*. London: Society for the Promotion of Roman Studies; 2000. (Journal of Roman Studies Monograph, 9).
11. Toneatto L. *Codices artis mensoriae. I manoscritti degli antichi opuscoli latini d'agrimensura (V–XIX sec)*. T. 1–3. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 1994–1995.
12. Lindermann JO. *Hygini liber gromaticus de limitibus constituendis. Historisch-kritische Edition und Erläuterungen*. Darmstadt: wbg Academic; 2022.
13. Lindermann JO. Varro und Isidor in den *Gromatici veteres*. *Philologus. Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption*. 2013;157(1):119–140.
14. Lindermann JO. Echt oder unecht? Frontin als gromatischer Autor aus der Sicht der Philologie. *eTopoi. Journal for Ancient Studies*. 2016;5:18–45.
15. Thomsen R. *The Italic regions, from Augustus to the Lombard invasion*. Kobenhavn: Gyldendal; 1947.
16. Chouquer G. *Études sur le Liber coloniarum*. Paris: Presses universitaires de Franche-Comté; 2016.
17. De Nardis M. I libri coloniarum lachmanniani e la datazione di Siculus Flaccus. In: *Uomini, istituzioni, mercati. Studi di storia per Elio Lo Cascio*. Bari: Edipuglia; 2019:287–298.

18. Kirillova MN. The description of Cures Sabini in *Liber coloniarum II* and its sources. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2025;(29–1):927–936. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/ielcp2306901529053> EDN: QBSWMI
Кириллова М.Н. Описание межевания окрестностей сабинского города Куреса в *Liber coloniarum II* и его источники // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. № 29–1. С. 927–936. <https://doi.org/10.30842/ielcp2306901529053> EDN: QBSWMI
19. Nicolet C. *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1991.
20. Josephson Å. *Casae Litterarum. Studien zum Corpus Agrimensorum Romanorum*. Uppsala: Almqvist & Wiksell; 1950.
21. Guillaumin JY. *Sur quelques notices des arpenteurs romains*. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité; 2007.
22. Hinrichs FT. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Untersuchungen zu Landverteilung, Landvermessung, Bodenverwaltung und Bodenrecht im römischen Reich*. Wiesbaden: Steiner; 1974.
23. Gvozdeva IA. *Ager Colonicus* in the Roman *agrimensura* of the period of the Republic. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2020;(7):27–30. (In Russ.). EDN: QGWFDB
Гвоздева И.А. *Ager Colonicus* в римской агрименсуре периода Республики // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 27–30. EDN: QGWFDB
24. Radke G. *Gallicus ager*. In: *Der Kleine Pauly*. Band 2. Stuttgart: Alfred Druckenmüller; 1967: 683–684.
25. Oebel LC. *Flaminus und die Anfänge der römischen Kolonisation im ager Gallicus*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1993.
26. Keppie L. *Colonisation and Veteran Settlement in Italy, 47–14 B.C.* London: British School at Rome, 1983.
27. Rodríguez-Antón A, Magli G, González-García AC. Between land and sky — a study of the orientation of Roman Centuriations in Italy. *Sustainability*. 2023;15(4):3388. <https://doi.org/10.3390/su15043388>
28. Gvozdeva IA, Gvozdeva TB. *Agri divisi* in Roman *agrimensura*. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2020;(9):95–98. (In Russ.). EDN: DBWWPQ
Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. *Agri divisi* в римской агрименсуре // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 95–98. EDN: DBWWPQ
29. Crawford MH. *Roman Statutes*. Vol. I–II. London: Institute of Classical Studies; 1996.
30. Crawford MH. *Lex Iulia agraria. Athenaeum*. 1989;66:179–190.
31. Bellen H. *Metus Gallicus — Metus Punicus: Zum Furchtmotiv in der römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner; 1985.
32. Roselaar ST. *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC*. Oxford: Oxford University Press; 2010.
33. Haeussler R. The Galli. In: Farney GD, Bradley G, eds. *The Peoples of Ancient Italy*. Berlin: De Gruyter; 2017, p. 719–754.

Информация об авторе:

Кириллова Мария Николаевна — кандидат исторически наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А, e-mail: marikirillowa@yandex.ru ORCID: 0000-0001-9029-5727. SPIN-код: 2327-6118.

Information about the author:

Maria N. Kirillova — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation, e-mail: marikirillowa@yandex.ru ORCID: 0000-0001-9029-5727. SPIN-code: 2327-6118.